

Снегирев Иван Михайлович

**Лубочные картинки русского
народа в московском мире**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
И17

И17 **Иван Михайлович С.**
Лубочные картинки русского народа в московском мире / Снегирев Иван Михайлович – М.: Книга по Требованию, 2026. – 139 с.

ISBN 978-5-519-74356-3

ISBN 978-5-519-74356-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

бителямъ изящной живописи—воспитанникамъ Французской школы? Но что для ума предразсудки, то для чувствованія испорченный вкусъ. Вкусъ вѣка и націи имѣетъ свои причуды и странности, уполномоченныя незапамятною давностью. Развѣ Индѣйцы и Китайцы донынѣ не держатся своего народнаго пошиба въ живописи, какой у нихъ существуетъ тысячелѣтія? Да гдѣ же чернь не имѣетъ своихъ особенностей въ проявленіи своихъ мыслей и чувствованій? У нея обычаемъ, если не оправдывается, по крайней мѣрѣ, терпится гротескъ — нелѣпость въ формахъ, и бюрлескъ — странность во мнѣніяхъ и вкусѣ, полагающая неизгладимые отпечатки на произведенія простонароднаго искусства.

Не думайте, впрочемъ, чтобы простонародныя картинки въ Германіи и Франціи были лучше нашихъ въ художественномъ и умственномъ отношеніи. По замѣчанію одного ученаго изъ Русскихъ путешественниковъ: «свидѣнныя имъ на ярмаркѣ въ Сен-Клу Французскія лубочныя картинки ничто предъ нашими Московскаго издѣлія. И тѣ и другія, говоритъ онъ, рѣшительно въ одномъ стилѣ; «но въ Французскихъ нѣтъ той замысловатости, какую находимъ въ нашихъ не потому, что онѣ наши, но потому, что онѣ дѣйствительно лучше Французскихъ.»⁴ Прибавимъ, что въ нашей народной иллюстраціи нѣтъ такихъ развратныхъ книжекъ и картинокъ, какія у Французовъ находятся въ ихъ *litterature de colportage*, на пр.: Картина супружеской любви (*Tableau de l'amour conjugal*), коей вышло безчисленное множество изданій и т. д.⁵ Въ Германіи и Англіи, у тамошней черни есть свои лубочныя картинки. Сравните съ Русскими Нѣмецкія изданія простонародныхъ тетрадокъ и книжекъ съ политипажами въ родѣ лубочныхъ: *Iobsiade*, *Rübezahl*, *Geschichte de sieben Schwaben* и пр. — вы найдете въ нихъ разительное сходство съ стариннымъ пошибомъ первыхъ. Заглавія Нѣмецкихъ Азбукъ и Катихизисовъ и теперь еще украшаются изображеніемъ пѣтуха (символа бдительности и Петрова раскаянія), какое появилось въ Германіи при первомъ изданіи сихъ учебниковъ для простаго народа. Недавно въ Англіи Текерей (*Thackeray*) выдалъ прекрасный опытъ изображенія жизни народной въ пошибѣ простонародныхъ картинокъ подъ заглавіемъ: *Peery's Diary by Titmarsh*.

⁴ См. С.-Петербург. Вѣдомости 1859 г. № 177.

⁵ Объ ней говорятъ Нисаръ: *Un détestable livre, dont les villes et les campagnes ont été inondées.*

Какъ въ западной Европѣ, такъ и у насъ въ Россіи, просто-народныя картинки, по своему характеру и пошибу, составляютъ нѣчто отдѣльное и своеобразное въ мірѣ художественномъ, а соединенная съ ними писменность приняла особенный типъ, усвоенный себѣ простолюдымъ. Вызванныя естественною потребностью выражать себя, олицетворяя свои чувствованія и мысли, онѣ проявляютъ народность въ формѣ и предметѣ. Не смотря на свою разобщенность съ движеніемъ мысли, и художественности, онѣ входятъ въ соприкосновеніе съ исторіей Словесности и отечественныхъ художествъ.

Хотя пути науки и народной мысли и расходятся; но есть въ ихъ ходѣ такіе перекрестки, гдѣ они сходятся. Сближеніе жизни народной съ наукою, общечеловѣческаго съ національнымъ встрѣчается не только въ пословицѣ, пѣснѣ и сказкѣ, но и въ лубочныхъ картинахъ простолюдина, кои олицетворяютъ его вѣрованія, знанія и мнѣнія. Съ наукою Лубочная Словесность можетъ имѣть чрезполосное владѣніе, не отдѣленное полюбовнымъ размежеваніемъ. Изъ жизни семейной и общественной вопли въ нее тѣ основныя начала, кои выработаны природнымъ характеромъ Русскаго человѣка, его собственнымъ сознаніемъ, его историческимъ развитіемъ, самобытнымъ воспитаніемъ и дѣятельностію: случайныя же уклоненія отъ такихъ началъ и разныя обстоятельства положили оттѣнки на жизнь, и искусство, какіе найдемъ и у другихъ народовъ. Изъ области наукъ заимствованы Лубочною литературой истины, доступныя уму и близкія сердцу и приспособительныя къ жизни; потому что Русскій человѣкъ усваиваетъ себѣ только то, что находитъ сроднымъ своему духу, характеру. и быту. Чужое жъ, несродное, ему не по душѣ и не по сердцу; ибо народъ не бездушный камень, на коемъ природа раститъ мохъ, а рука человѣческая можетъ начертать по произволу всякое изображеніе. Между тѣмъ какъ мысль и художественность приняли съ XVIII вѣка ускоренное движеніе, въ простовикахъ гравированія онѣ остались неподвижными; вмѣстѣ съ тѣмъ остаются неподвижными и коренныя начала вѣры и жизни, господствующія въ народѣ. Отставши отъ такого движенія, застѣная мысль и наслѣдственная художественность составили особенность, какую поддерживала любовь къ старинѣ, укореняла привычка и благоговѣніе къ памяти предковъ. Въ какой сорочкѣ родилась у народа мысль, въ такой, она и обжилась у него. Сколь ни грубъ и даже безобразенъ пошибъ лубочной картинки; но простолюдинъ такъ свыкъся съ нимъ, какъ съ обычнымъ покроемъ своего сѣраго кафтана и съ нагольной пубой

изъ домашней овчины. Такой покроей, сколько бы, съ перваго взгляда, ни казался грубымъ, не отчуждаетъ ни ума, ни человечности. по собственному сознанию Русскаго крестьянина въ его пословицахъ: *Коптанъ хотъ сьръ, а умъ не волкъ сьльнъ; Шуба овечья, а души человѣчья.*

Теперь лубочныя картинки достались въ удѣлъ такъ называемою черни, т. е. многочисленнѣйшей и дѣятельнѣйшей части народа. Но было время на Руси, когда сословія еще мало разъединялись нравами и обычаями, когда заветныя игры и потѣхи были едва ли не однѣ и тѣже у крестьянина, купца и боярина. Въ это время, какъ увидимъ далѣе, такія картинки имѣли свободный доступъ и въ царскія палаты и въ боярскія хоромы и въ крестьянскія избы; ибо онѣ составляли, выключая развѣ немногихъ, не одну праздную забаву и безмысленную потѣху, но наглядное вразумленіе, дѣятельное руководство и поучительные образцы для жизни семейной и общественной, для настоящей и будущей.

Обращаясь ко внѣшности простонародныхъ естамповъ, замѣтимъ, что вообще подъ названіемъ *лубочныхъ* разумѣются не только отдѣльные листы, или гравюры, но и лицевыя тетрадки; текстъ въ нихъ дополняется и объясняется представленіемъ въ лицахъ самаго содержанія, тѣмъ самымъ сильнѣе впечатлѣвая его въ умъ, памяти и воображеніи.

При первомъ взглядѣ на такія произведенія доморощенного художества, пробуждается вопросъ: почему онѣ сльвуть *лубочными*, когда вырѣзывались сперва на деревянныхъ (Ксилографія), потомъ на металлическихъ доскахъ (Металлографія) и теперь рисуются на камняхъ (Литографія), а отпечатываются на бумажныхъ листахъ? Поищемъ на это отвѣта въ исторіи, преданіи и жизни народной.

Въ глубокой древности лубъ дерева, т. е. исподняя его кора, снятая съ липы, вяза и другихъ удобныхъ для рѣзбы и письма деревъ, замѣнялъ недостатокъ бумаги; самое названіе книги у Грековъ *βιβλος*, у Римлянъ *liber* собственно значило *лубъ*,⁶ потому

⁶ *Cicero de N. D.* 11, 47; *Obducebantur libro, aut cortice, trunci, quo sint a frigoribus et a caloribus tutiores.* cf. *Virgil. eccl.* X, 67. *Antiqq. Romanae, enarratae a D. D. Fuss, ed. 3. Lipsiae. 1837, in 8.* О неизвѣстной рукописи въ Университетѣ Св. Владиміра, *И. И. Кеннена* въ Журналѣ Мин. нар. пр. 1839 г. Октябрь.

что въ частномъ употребленіи, для письма болѣе служили досечки изъ бѣлыхъ деревь. Такъ и въ древности на Руси, по рѣдкости и дороговизнѣ пергамена, бомбицины и бумаги, писывали на берестѣ и лубѣ. Св. Іосифъ Волоколамскій свидѣтельствуемъ намъ, что въ обители Препод. Сергія, по скудости средствъ, писывали служебныя книги не на хартіяхъ, т. е. не на пергаменѣ, но на берестѣхъ ⁷. Миллеръ изъ Сибири вывезъ писанные на берестѣ документы.

Изъ Псковской правой грамоты 1483 года обнаруживается, что на лубъ чертили планы землямъ: «И Княжій бояринъ Михайло, да «Климента соцкой тое воды досмотрѣли; да на лубъ выписали и «передъ осподою положили; да и велись бы по лубу,» т. е. межевались бы по лубочному плану. ⁸ Другой примѣръ встрѣчаемъ въ лѣтописи: въ 1577 году *Государскіе лубы* изъ покореннаго Новгородъ «рода отвезены были къ Царю въ Москву» ⁹ Даже въ концѣ XVII столѣтія, какъ значится въ указѣ 1697 года; лубъ замѣнялъ бумагу; ибо пасквильныя письма, прибитыя къ городскимъ воротамъ; въ Москвѣ, тогда писаны были на лубкахъ.

Скажутъ: на лубкѣ можно писать, а нельзя вырѣзывать естамповъ. Но слово это принято употребленіемъ не въ собственномъ смыслѣ, а въ напряженномъ, переносномъ. Липовыя доски, употребляемыя для рѣзбы, по удобству самаго дерева, по природѣ своей, мягкаго, бѣлаго и неструистаго, называются также *лубами*, какъ и самая липа въ Рязанской Губерніи донинѣ слыветъ *лубомъ*. На такихъ-то доскахъ въ Москвѣ вырѣзывались оброчно разныя картинки сначала духовнаго и историческаго, потомъ уже и разнаго содержанія, и отпечатывались на бумажныхъ листахъ. Древній образецъ этой ксилографіи, хранившійся у Президента Спб. Академіи художествъ А. Н. Оленина, сообщенъ намъ въ точномъ снимкѣ Академикомъ Ѳ. Г. Солнцевымъ: это отломокъ отъ луба толщиной $\frac{1}{4}$ аршина: на немъ оброчно вырѣзано изображеніе какаго то князя, вѣроятно, (святаго), котораго видна только одежда съ длинными спущенными рукавами. Нѣсколько липовыхъ досокъ, по видимому, XVII и XVIII вѣковъ, съ вырѣзанными на нихъ оброчными изображеніями, находилось въ Московскомъ древлехранилищѣ Г. Погодина. Оброчное письмо предшествовало буквенному.

⁷ Преп. Іосифа Санина духовное правило, гл. 19.

⁸ Юридическіе акты, стр. 3.

⁹ Въ Собраніи Росс. лѣтописей 1 Новгородская лѣтопись. 174.

До изобрѣтенія печатанія подвижными буквами, оттиснута рѣзанными на деревянныхъ доскахъ къ Западной Европѣ *Библия для бѣдныхъ* (*Biblia pauperum*, *Bible des pauvres*) съ естампами грубой работы.¹⁰ Подражали етому и у насъ въ Россіи, какъ увидимъ далѣе. Хотя въ послѣдствіи ксилографія уступила мѣсто металлографіи и литографіи, деревянныя доски замѣнились металлическими и камнями; но названіе *лубочныхъ* усвоилось и гравированнымъ на мѣди картинкамъ тогоже пошиба, между тѣмъ, какъ оно собственно принадлежитъ только естампамъ, рѣзаннымъ у насъ на деревѣ. Етому соотвѣтствовало между прочимъ и то, что простонародныя картинки развѣшивались на лубкахъ для продажи и выставались при лубочныхъ комедіяхъ. Мѣстное преданіе на Москвѣ говоритъ, будто лубочныя картинки, или такъ называемые листы одолжены своимъ прозвищемъ улицѣ Лубянкѣ. Тамъ будто онѣ вырѣзывались на лубкахъ и печатались въ станкахъ печатниками, т. е. типографщиками въ Печатной слободѣ, бывшей у Срѣтенскихъ воротъ Бѣлаго города, а выставались на деревянной оградѣ церкви св. Троицы у Срѣтенскихъ воротъ Землянаго города (Сухаревой башни), на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ у ограды щенетильныя лавочки. За подлинное неизвѣстно, когда именно началась здѣсь такая выставка листовъ; но уже въ 1782 году урочище церкви слыло на *Листахъ*, какъ видно изъ подписи священника этой церкви Михаила Кубарева на сохранившейся ея лѣтописи.¹¹ Прихожане сего храма старожилы¹² помнятъ еще такую

¹⁰ Histoire des livres populaires, ou de la littérature de colportage, par M. C. Nisard. Paris. 1844, t. III, p. 29.

¹¹ Въ обиходномъ названіи этого урочища совмѣщаются разныя значенія слова *листы*, кои даютъ поводъ къ болѣе или менѣе вѣроятному объясненію урочища, по отношенію въ самой церкви, именно: ¹⁾ *листы* значатъ древесные листы, постилаемые въ храмѣ на праздникъ Пятидесятницы. Въ уставѣ соборномъ и приходныхъ книгахъ XVII вѣка читаемъ, «что за вечерисей въ Троицынъ день постилали въ соборѣ *листы* — «Царь лежалъ на *листу*»; ²⁾ Стрѣльцы, строившіе эту церковь, за кирпичъ, взятый изъ казны, дали Царю платежную память, а Царь пожаловалъ имъ за ихъ подвиги. А какъ всякаго рода актовыя бумаги въ старину вообще назывались *листами*, то изъ этого не безъ основанія выводится, что и церковь сооружена какъ бы на *листахъ* и ³⁾ наконецъ къ етому присоединяется продажа здѣсь у ограды въ концѣ XVIII столѣтія *листовъ*, т. е. лубочныхъ картинъ. см. «Церковь Св. Троицы на листахъ въ Москвѣ, описан. И. Снегиревымъ, М. 1832 г. въ 12.»

¹² Между прочимъ по свидѣтельству причетника, служащаго при этой церкви болѣе 50 лѣтъ И. Петрова.

выставку до построения каменной ограды; по ихъ свидѣтельству, первая прекратилась не ранѣе 1805, или 1806 г. Какъ бы то ни было; но подобныя обстоятельства, взятые въ совокупности, легко могли дать поводъ къ названію простонародныхъ картинокъ *лубочными*, такъ что и другіе естампы плохой работы обыкновенно слывутъ лубочными. Листы сіи также извѣстны подъ именемъ *Суздальскихъ*, не по производству ихъ въ Суздаль, но по разнощикамъ ихъ Суздамъ и по самому пошибу, близкому къ суздальскому иконному. Въ Сибири они извѣстны подъ названіемъ *Панковъ*, а въ Осташковѣ *Богатырей*, безъ сомнѣнія, потому, что представляютъ государей, военачальниковъ, героев и знаменитыхъ особъ.

По своему происхожденію, лубочныя картинки или *отечестіенныя*, или *замышляемыя* у чужестранцевъ. Древнѣйшія изъ первыхъ, какъ увидимъ, были преимущественно духовно-религіознаго содержанія, какое и донынѣ, по большей части, усваиваютъ себѣ лубочныя картинки. Иностранцы пользовались и этимъ средствомъ для распространенія своихъ религіозныхъ мнѣній и вѣрованій въ Русскомъ мірѣ; они доставляли въ Москву Нѣмецкіе печатные листы, изображавшіе Спасителя І. Христа, Богородицу, небесныя силы и святыхъ угодниковъ Божіихъ. Такія изображенія, по свидѣтельству Патріарха Московскаго Іоакима, «никакого подобія первообразныхъ лицъ не являли своимъ неискусствомъ, но представлялись неистово и неправо, на подобіе лицъ своестранныхъ и въ *своестранныхъ одеждахъ Нѣмецкихъ*.¹³ Патріархъ этотъ въ 1674 г. запретилъ и «покупать такіе листы, кои печатали Нѣмцы еретики, лютеры и кальвины, по своему проклятому мнѣнію.» Не смотря на это, иностранныя образчики не остались у насъ безъ подражанія, какъ видно изъ синодальнаго указа 1721 года, марта 20: появились тогда въ Москвѣ изображенія Святыхъ, несогласныя съ преданіемъ Церкви и съ подлинниками, или персональниками иконописцевъ, предосудительныя уже и по тому, что достойно поклоняемые и чествуемые лики Святыхъ установлено православною Церковію писать на доскахъ, а не печатать на бумажныхъ листахъ.¹⁴ Печатные же допускались духовнымъ начальствомъ не иначе, какъ только для *пригозиства а, а не для почитанія*; ими, замѣчаетъ Патріархъ Іоакимъ, «украшались

¹³ Акты Археологической Экспедиции. IV, № 200.

¹⁴ Histoire des livres populaires, par Nisard.

«храмины, избы, кѣлѣи и сѣни.» Изъ описи имущества духовныхъ особъ въ дѣлахъ Синодальнаго приказа въ половинѣ XVIII вѣка значится, что въ крестовыхъ и сѣняхъ у духовныхъ властей на стѣнахъ наклеены были лубочныя картинки: Исторія въ лицахъ Блуднаго сына, Страшный судъ и другія назидательныя изображенія. Указъ 1721 г. марта 20 запрещаетъ выставять «на продажу на Спасскомъ мосту и въ «другихъ мѣстахъ Москвы сочиненныя разныхъ чиновъ людьми служ-«бы и каноны, равно и естампы (листы), печатанныя своевольно «кромѣ типографіи.» Подражанія западнымъ картинкамъ религіознаго содержанія находимъ въ изданіяхъ XVII и XVIII вѣковъ *Священной Истории, Апокалипсиса, Притчи о Блудномъ сынѣ, Избіенія младенцевъ Иродомъ, Истиннаго начертанія беззаконнаго суда на Христѣ отъ Иудей произнесеннаго*, наконецъ въ извѣстномъ въ Европѣ съ XIV вѣка памятникѣ ксилографіи, Speculum, въ нашемъ отечественномъ изданіи *Зерцало грѣшнаго* и пр.

Появившіеся на Москвѣ около половины XVII вѣка *Нѣмецкіе потѣшныя печатные листы*—картинки забавнаго содержанія, продавались вмѣстѣ съ печатными книгами, рукописями, писчею бумагой, молотковыми и простыми картами въ Овощномъ ряду, потомъ на Спасскомъ мосту—етомъ старинномъ приютѣ въ Москвѣ пѣвцовъ Лазаря и Алексія Божія челоѣка, также бахарей, т. е. сказочниковъ, имѣвшихъ доступъ въ царскія палаты, наконецъ книжниковъ, или книгопродавцевъ, торговавшихъ тамъ на хорахъ лавокъ.¹⁵ Изъ приходно-расходныхъ книгъ Оружейной Палаты 1634 года видимъ, что Іюня 16 «дано торговымъ людямъ Овощнаго ряду за Нѣмецкія за «печатные листы 20 алтынъ, а взяли тѣ листы изъ Государевы ма-«стерскія палаты въ хоромы Государю Царевичу, князю Олексю «*Михайловичу*, да Государынямъ Царевнамъ бояринъ Борисъ Ивано-«вичъ Морозовъ, да околничій Василій Ивановичъ Стрѣшневъ.» По-«томъ въ 1637 году, марта 8, «дано Овощнаго ряду торговому чело-«ѣку Ондрушкѣ Петрову за 9 листовъ потѣшныхъ 8 алтынъ и двѣ «денги; а листы принимала крайчя Соломонида Мезецкая.» Такіе жъ листы покупались тамъ и для Царевича Петра Алексѣевича. *Нѣмецкими* они назывались по ихъ происхожденію, а *потѣшными* по забавному и занимательному ихъ содержанію. Способъ учить карти-«нами входилъ въ область стариннаго воспитанія. Наставникъ Царя

¹⁵ Государевы мастерскія полаты книги приходно—расходныя. 7142 и 3 г. № 761; 7143 г. № 939.

Алексѣя Михайловича Морозовъ училъ его посредствомъ гравированныхъ въ Германіи картинокъ, изображающихъ разные достопамятные предметы въ мірѣ, какъ доказываетъ собраніе такихъ гравюръ, принадлежавшее Морозову и хранящееся у П. А. Муханова. Учитель Петра великаго Зотовъ, названный имъ въ шутку *Княземъ Папою, Патриархомъ Пресбургскимъ, Залузья и всего Кукуля*, т. е. Нѣмецкой словободы,¹⁶ для впечатлѣнія въ памяти своего питомца важнѣйшихъ предметовъ изъ Географіи и Исторіи, велѣлъ наклеить на стѣнахъ учебной его комнаты виды знатнѣйшихъ городовъ Европы и изображенія разныхъ достопамятностей въ свѣтѣ.¹⁷ Той же методы держались при обученіи Царевича Алексѣя Петровича: ему представлены были въ аллегорическихъ фигурахъ разныя науки подъ заглавіемъ *Градъ цирства небеснаго*.

Бывшій въ Москвѣ, при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ Англичанинъ Самуилъ Коллинсъ видѣлъ тамъ Голландскія простонародныя каррикатуры на Англичанъ, кои очевидно принадлежали къ Нѣмецкимъ потѣшнымъ листамъ. Онѣ, говоритъ Англіійскій туристъ, «изображали Англію въ видѣ безхвостаго льва съ тремя опрокинутыми коронами и множество большихъ собакъ съ обрѣзанными ушами и хвостами.» «Такихъ неприличныхъ картинъ, замѣчаетъ Коллинсъ, «было много; онѣ производили большое дѣйствіе въ народѣ варварскомъ.»¹⁸ Нѣмецкіе потѣшные листы содержали въ себѣ не однѣ каррикатуры, но и предметы вообще занимательные. Если бы сравнить Русскія балагурныя и сатирическія картинки съ старинными Голландскими, Нѣмецкими¹⁹ и Польскими въ етомъ же родѣ: то, вѣроятно, нѣкоторыя изъ первыхъ, почитаемыя за отечественныя, оказались бы иноземными, по своему происхожденію, и наоборотъ. Въ Нирембергѣ Графъ А. С. Уваровъ нашелъ у одного Доктора значительное собраніе старинныхъ простонародныхъ картинокъ,

¹⁶ Исторія царствованія Петра Великаго, Н. Устрялова. Спб. 1838 г. т. II. пр. 24.

¹⁷ Записки Русскихъ людей. Спб. 1838, въ 8.

¹⁸ The present state of Russia, in a letter to a friend at London, by Sam. Collins. London. 1671, in 8, oh. XXIV.

¹⁹ Недавно вышла въ Германіи книга: Bibliothek der ältern deutschen Volks-Wunder-Entwickelungen u. vorzugsweise kömischen Literatur zur Kultur u. Sittengeschichte in Wort u. Bild, 14 B.

между коими попались ему и сходныя съ Русскими лубочными. Тамъ, равно какъ въ Кёльмъ, Нейрупицъ и Минхенъ, находятся особыя фабрики для такихъ картинокъ. Изъ Трои престопаодные естампы расходятся по всей Франціи. Въ XVIII вѣкѣ, изъ Франціи и Голландіи нерѣдко проходили въ Россію картинки соблазительныя и безнравственныя.

Нѣмецкіе потѣшные листы, безъ сомнѣнія, перерабатывались у насъ въ особенныхъ исключительныхъ формахъ; ихъ передѣлывали на Русскій ладъ, или находя въ Русской жизни подобные предметы для воспроизведенія ихъ въ художествѣ, олицетворяли и въ лубочныхъ картинкахъ; нерѣдко черты отечественныхъ повѣрій и обычаевъ вставлялись въ иностранныя рамы, а иногда сцены изъ Нѣмецкой жизни облакаемы были въ Русскія формы и на оборотъ. Возмите напр. изображеніе на естампѣ въ лицахъ Семика: онъ является вамъ невѣ видѣ разгульнаго Русскаго мужика, или фабричнаго, съ березкою въ рукѣ, но въ видѣ степеннаго Голландца съ трубкою во рту, сидящаго у открытаго окошка. На другой картинкѣ Масляница и Семикъ, въ иностранныхъ костюмахъ, подчиваютъ одинъ другаго не блинами, яичницей и драченой, а заморскими фруктами. Картинка *Голландскій лъкаръ и добрый аптекаръ*, очевидно иностраннаго происхожденія. Самому Погребенію кота мышами находимъ ровень (pendant) въ Нирембергской престопаодной картинкѣ: «Погребеніе охотника разными звѣрями,» коихъ онъ, при жизни своей, преслѣдовалъ и убивалъ. Черный гробъ его несутъ олени; на гробовой крышѣ сидитъ сова, держащая въ лапахъ, трубу и видна надпись: *Ich bin ist wohl und uns ist besser*, т. е. ему хорошо, а намъ лучше. Впереди идутъ на заднихъ лапахъ двѣ лисицы, одна съ раскрытою книгой, а другая съ крестомъ; у самаго гроба вебрь съ заступомъ, какъ гробокопатель, далѣе слѣдуютъ разные звѣрки и птицы, позади осѣдланная охотничья лошадь и двѣ собаки. Надъ гробомъ парятъ птицы. — Между тѣмъ въ Русскомъ естампѣ болѣе единства: процессія состоитъ изъ однихъ только мышей, идущихъ также на заднихъ лапкахъ; но смыслъ одинъ, какъ въ Нѣмецкой, такъ и Русской каррикатурѣ, только въ первой не столько ограниченъ, сколько въ послѣдней; отъ сего одна можетъ быть примѣнена къ разнымъ лицамъ и временамъ, а другая къ одному предмету. Таже мысль олицетворена въ літографированной картинкѣ, изданной въ половинѣ текущаго столѣтія: *Погребеніе медвѣдѣ косолапа* тѣми звѣрями, которыхъ онъ угнеталъ. Г. Стасовъ находитъ между отечественными и иностранными картинками виѣшнее

различіе еще и въ томъ, что первыя форматомъ своимъ больше послѣднихъ.

Не останавливаясь далѣе на сличеніи и сравненіи Русскихъ лубочныхъ картинъ съ иностранными, которое могло бы завлечь насъ далѣе предѣловъ нашего обозрѣнія, перейдемъ ко времени изданія первыхъ. Начало ихъ въ Москвѣ относится къ XVII вѣку.

На лубочныхъ картинкахъ весьма рѣдко обозначались годъ и мѣсто печатанія; на то и другое могли бы указать фабричныя знаки бумаги; но они выставлены на весьма немногихъ, сколько намъ удалось видѣть, экзѣмплярахъ такихъ изданій. Остается только опредѣлить самое время изданія по содержанію и пошибу, по языку текста и почерку буквъ.

Предоставляя себѣ говорить въ особомъ отдѣлѣ о содержаніи лубочныхъ естамповъ, мы должны бы здѣсь упомянуть о сочинителяхъ и самыхъ издателяхъ; но они, къ сожалѣнію, весьма мало извѣстны, такъ какъ и сочинители пѣсенъ, сказокъ и пословицъ, потому что очень рѣдко выставляли свои имена на лубочныхъ картинахъ и тетрадкахъ. Это было выморочное имѣніе, поступившее въ общее достояніе народа. Вѣроятно, нѣкоторые изъ знаменщиковъ т. е. рисовальщиковъ, и граверовъ были вмѣстѣ и составителями такихъ картинокъ. Кромѣ того, могли выдавать или сообщать первымъ матеріалы для лубочныхъ листовъ и тетрадокъ, странники къ св. Мѣстамъ — тѣ «калики переходящія, которые на торгахъ пѣвали «немалыя сказаньица про стару старину, про Божіихъ людей, про «Великъ Новгородъ и каменну Москву», бахари, или сказочники верховые, т. е. придворные,²⁰ потомъ такъ называемые, кажется, Третьяковскимъ, «стихотворцы Спасскаго моста,» справщики, т. е. типографскіе корректоры и переводчики Посольскаго Приказа, изъ которыхъ извѣстенъ въ XVII вѣкѣ, какъ писатель, Богданъ Лыковъ. Наконецъ преданіе приписываетъ замысловатому шуту Петра Великаго Балакиреву сочиненіе нѣкоторыхъ балагурныхъ и сатирическихъ картинокъ; издателемъ нѣкоторыхъ лубочныхъ тетрадокъ былъ Матв. Комаровъ.

²⁰ При Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, любительницѣ Русскихъ сказокъ, былъ старикъ придворный камеръ лакей, знавшій множество сказокъ; онъ не рѣдко рассказывалъ ихъ Императрицѣ въ досужныя часы ея отдыха. Сообщено В. И. Панаевымъ.